

м а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

Обречение ага

**МОСКВА
2024**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Иллюстрация на переплете *В. Петелина*

А13 **Абдуллаев, Чингиз Акифович.**
Обретение ада / Чингиз Абдуллаев. — Москва :
Эксмо, 2024. — 384 с. — (Абдуллаев. Мастер кри-
минальных тайн).

ISBN 978-5-04-201965-4

Агенты ЦРУ плотно обложили разведчика-нелегала Юджина. Его арест практически неизбежен. Юджин — важнейший российский резидент, и его необходимо спасти. Руководство решает перевести его в Германию, разработав головокружительную по сложности операцию. Но маховик масштабной погони уже раскручен. В смертельной схватке сошлись лучшие аналитики и оперативники русской, американской и немецкой разведок. И в центре всего — Юджин, человек без имени и без нервов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-201965-4

© Абдуллаев Ч.А., 2022
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2024

Смотрю на правую сторону и вижу, что никто не признает меня: не стало для меня убежища, никто не заботится о душе моей.

Псалтырь, псалом 141,4

Автор выражает благодарность всем бывшим и настоящим сотрудникам КГБ—ФСК—ФСБ—СВР за их помощь в создании этой книги. Автор предупреждает, что данный материал не может быть использован в суде в качестве свидетельских показаний.

Часть 1

ЕГО ПРОШЛОЕ

ПРАГА. 8 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

Он терпеливо ждал появления связного. Его удивил этот неожиданный вызов, когда звонивший потребовал столь срочной встречи. Впрочем, после провалов в Великобритании и Франции они наверняка должны были забеспокоиться. И начать действовать, не ожидая, когда будет раскрыта еще одна цепь агентурной разведки КГБ в мире.

Он вздохнул. Падение берлинской стены сделало их всех заложниками этой ситуации, когда объединившаяся Германия поглотила не только восточногерманское государство, но и одну из

самых эффективных спецслужб мира — разведку ГДР, делавшую так много полезного для своего союзника по Варшавскому блоку. Одновременно были развалены и достаточно эффективные польская и чехословацкая разведки. Это был не просто развал старого мира, это был развал всей системы разведывательных операций за рубежом, когда КГБ и ГРУ лишились почти всех своих союзников. И поэтому приходилось срочно латать старые дыры и избавляться от ставших обременительным балластом агентов, уже попавших под наблюдение других спецслужб.

Связной опоздал на десять минут. И появился, как всегда, нервничая. Хотя он, по логике вещей, мог не беспокоиться. Он пользовался дипломатическим иммунитетом, и у него был свой зеленый паспорт дипломата, который поможет ему в случае провала благополучно выехать из страны, избежав ареста. В прежние времена об этом даже не думали. Прага была так же безопасна, как Киев или Минск. Сотрудники посольства и КГБ чувствовали себя в братских социалистических странах почти как у себя дома. И вот все рухнуло. В Чехословакии, к счастью, обошлось без подобию румынских эксцессов. Произошла «бархатная» революция, социалистический режим был развален мирно и без кровопролития. И пришедший теперь связной из посольства действовал уже в другой стране и с другими условиями работы. Это и предопределяло все его нервные ужимки. Они знали друг друга в лицо достаточно давно, поэтому обошлись без ненужных паролей и приветствий.

Связной сел рядом с резидентом на скамью.

— Как дела? — спросил он, доставая сигареты.

— Это я должен спрашивать, — пробормотал

резидент, — может, вы наконец объясните столь срочный вызов? Я бросил все свои дела, чтобы примчаться сюда.

— Правильно, — сказал связной, — получен новый приказ из Москвы. Срочно сворачивайте всю работу и выезжайте в Болгарию, оттуда можете вернуться в Москву, вам будут подготовлены соответствующие документы.

— В Болгарию, — усмехнулся резидент, — у них такой же бардак, как и везде. Раньше из Западной Европы ездили через ГДР или Чехословакию. Новые времена?

— Мне не поручали обсуждать с вами такие детали, — нервно заметил связной.

— Конечно, не поручали. Значит, конец. — Резидент вздохнул, поднимаясь со скамьи. Он знал, что задерживаться во время подобных встреч нельзя. — Передайте, я все понял. Завтра утром вылетаю в Софию. Канал связи прежний?

— Да, — сегодня связной нервничал более обычного.

— Вас что-то беспокоит? — спросил резидент.

— Нет-нет, ничего. Просто мне хотелось бы поскорее закончить нашу встречу. Что у вас по нашей группе войск в Германии? Вы подготовили все документы?

— Да, конечно. Я возьму их с собой. Очень неприглядная картина.

— Я передам в Москву. В Софии вас будут ждать.

— Прощайте, — кивнул резидент.

— Прощайте, — поднялся связной, — желаю успехов.

И ушел не оглядываясь.

«Какая глупость, — подумал резидент. —

Именно сейчас, когда у нас столько потерь, сворачивать работу в ГДР и Чехословакии». Может, им нужны результаты работы его группы? Но почему такая спешка? Он мог бы принести еще много пользы. Да и полученные материалы позволяют сделать очень неприятные выводы. Напрасно его отзывают. В таких случаях нельзя было возражать, но они могли бы узнать и его мнение. Резидент посмотрел на часы и заторопился к своей машине. Он уже видел свой автомобиль, уже доставал ключи из кармана, когда внезапно почувствовал сильный толчок в спину. И сразу ощутил боль. Резидент был сильным человеком. Он еще успел повернуть голову и увидеть стрелявшего, а увидев — удивиться. И это удивление было последнее, что он испытал в своей жизни. Второй выстрел в сердце свалил его на землю.

Стрелявший оглянулся. На этой тихой улочке обычно никого не бывало. Он убрал оружие с надетым глушителем в карман длинного пальто и наклонился над убитым. Когда через полчаса прибыла полиция, она обнаружила уже начинавший холодеть труп.

МОСКВА. 9 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

Они были в кабинете втроем. Разговора не получалось. Один из сидевших за столом сознавал, что это его последний визит в Кремль. Больше его сюда никогда не позовут. А если и позовут, то по случаю очередного юбилея или какого-нибудь праздника, на который он должен явиться, нацепив все свои награды. Рядом с ним сидел другой генерал, его многолетний друг и ныне руководи-

тель. Первый из генералов знал, что решение о его отставке принималось непосредственно в Политбюро. Без согласия с самим Президентом убрать фигуру такого масштаба, как он, не могли. И поэтому он почти спокойно сидел напротив Президента страны и слушал его путаную, нечеткую речь с характерным южнорусским говором.

— Мы благодарим вас за службу, — в который раз сказал Президент, — вы всегда бывали почти на передовой. Кажется, мы вас не жалели.

Генерал слушал его молча. Он уже успел высказать свое мнение о надвигающихся событиях, но Президент, как обычно, часто перебивал, не давал закончить фразы, задавал вопросы. Все было ясно. Теперь в услугах генерала больше не нуждались. Один из самых лучших специалистов КГБ отправлялся в почетную ссылку, в «райскую группу» генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. По должности в нее входили маршалы и генералы армии, уже отошедшие ото всех дел и получавшие эти надуманные посты. Генерал понимал, что он — выброшенная карта. Январское противостояние в Литве он уже не возглавит. Президент сдает его, уступая давлению. Сейчас все говорят о наступлении консервативных сил, и Президент, как всегда, маневрирует, отправляя в отставку самого яркого, как ему самому кажется, представителя этих сил.

Генерал армии Филипп Денисович Бобков работал в органах КГБ почти полвека и занимал должность первого заместителя председателя КГБ СССР. В последнее время нападки именно на него особенно усилились, так как Бобков возглавлял знаменитое Пятое управление КГБ СССР, боровшееся с идеологической диверсией внутри госу-

дарства и фактически являвшееся куратором творческих союзов, научных и культурных учреждений на местах. Горбачев не мог и не хотел больше терпеть этого генерала. И сегодня наконец принял решение расстаться с ним. Как обычно, он много говорил о заслугах генерала, а в конце вдруг добавил:

— Сложные наступили времена для всех нас. Детям и внукам нелегко придется.

Бобков изумленно посмотрел на него. Потом на сидевшего рядом с непроницаемым лицом председателя КГБ Крючкова. Но тот молчал. И Бобков тоже промолчал.

В Комитет государственной безопасности они возвращались в автомобиле Крючкова. Бобков, сидевший рядом, вдруг спросил, обращаясь к своему бывшему руководителю:

— И что ты про все это думаешь?

— Не знаю, — признался Крючков, — просто не знаю. Сам удивляюсь.

— Думаешь, что-нибудь изменится?

Крючков молчал. Он думал, можно ли доверить новости своему старому знакомому, генералу, которого он знал несколько десятилетий и в чьей честности и порядочности не сомневался. И наконец решился. Все-таки сегодня был такой день.

— Поднимемся ко мне, — предложил Крючков, не решаясь говорить даже в своем автомобиле.

Сегодня в свой большой кабинет он вошел вторым, первый раз в жизни он пропустил сначала Бобкова впереди себя. Пройдя через кабинет, они вошли в комнату отдыха, поражающую всех своим строгим аскетизмом. Крючков, не любивший го-

рячительных напитков и наложивший строгий запрет на их употребление сотрудниками КГБ, сам достал бутылку водки, решив, что сейчас можно сделать исключение. Разлил спиртное в две рюмки и, протянув одну своему бывшему первому заместителю, вдруг сказал:

— Все будет хорошо.

Бобков понял. Он не стал ничего спрашивать. Просто все понял. Для этого он слишком много лет работал в КГБ.

— Спасибо тебе, — сказал он, поднимая рюмку.

— За детей и внуков, — добавил председатель КГБ.

И больше ничего не сказал. Он не сказал даже такому проверенному человеку, как Филипп Бобков, что уже вчера по распоряжению Президента страны он приказал аналитикам готовить документы о возможности введения в стране чрезвычайного положения. Впрочем, Бобков все понял сам. И не стал задавать никаких вопросов.

НЬЮ-ЙОРК. 10 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

По этим длинным коридорам он ходил уже много лет. Теперь, направляясь к своему кабинету, расположенному в правом крыле здания, заместитель директора ЦРУ Александр Эшби уже не торопился. Достигнув столь высокого положения, он мог позволить себе самому назначать время встречи для приема очередных гостей. А гости сегодня должны были приехать из ФБР. Эшби не любил эту организацию, как все разведки не очень жалуют контрразведку. По их глубокому убежде-

нию, в контрразведке сидят никудышные профессионалы, так и не сумевшие утвердить себя на другом поприще, в том числе и в разведке. Кроме того, разведчикам всех стран была неприятна сама мысль, что в мире существует слишком много организаций, специализирующихся в том числе и на их провалах.

Войдя в приемную, он кивнул своему секретарю, всегда сдержанной и строгой миссис Хейворд, и прошел в свой кабинет. Эшби даже не успел открыть лежавшую на столе папку с приготовленными для него документами, когда звонок миссис Хейворд возвестил, что посетители уже ждут встречи с ним. Эшби посмотрел на часы. Эти ребята появились с потрясающей точностью, минута в минуту. Он закрыл папку и поднялся, собираясь встретить представителей ФБР. Дверь открылась, и в комнату вошли два человека. Одного он не знал. А вот второго...

Это был знаменитый Томас Кэвеноу, одна из лучших ищеек ФБР, специализирующийся на поимке иностранных шпионов и имеющий в своем активе немало достижений. Темнокожий Кэвеноу работал в органах ФБР еще со времен Гувера и сумел стать одним из лучших специалистов в своем деле, несмотря на традиционное недоверие к нему в начале карьеры. Эшби знал его уже много лет. Поэтому, увидев их, он, улыбаясь, пошел на встречу, протягивая руку.

— Добрый день, мистер Кэвеноу. Я не думал, что пришлют вас.

— Они решили вспомнить о таком старом специалисте, как я, — проворчал Кэвеноу и показал на своего спутника, — это Билл Хьюберт, раньше он работал у меня в отделе.

— Я рад видеть вас, мистер Хьюберт, — пожал и ему руку хозяин кабинета.

— Кажется, мы не виделись уже несколько лет, — напомнил Эшби.

— Шесть, — подтвердил Кэвену, — ровно шесть лет. С тех пор, как мы вынуждены были отпустить из тюрьмы одного подозреваемого.

Эшби кивнул ему, вспоминая тот случай.

— Вы помните его до сих пор?

— Я убежден до сих пор, что это был русский шпион, — угрюмо ответил Кэвену, — просто мы не смогли тогда этого доказать. А потом он уехал из Америки.

— Да, — подтвердил Эшби, — я помню то давнее дело. Тогда я был начальником отдела и был в курсе ваших решений. Но это уже история.

— Нам тогда просто не повезло, — упрямо заметил Кэвену, — и он ушел от нас. Мы не смогли его достать.

Эшби не ответил. У него были свои причины молчать. И он не собирался больше вспоминать о том досадном случае.

— У вас ко мне дело, — напомнил он, чтобы отвлечь посетителей от неприятных воспоминаний.

Кэвену кивнул и стал излагать причину, побудившую их приехать в Лэнгли. Разговор занял около получаса. Лишь прощаясь, Эшби позволил себе снова вспомнить то дело.

— До свидания, мистер Эшби, — сказал Кэвену. — У вас больше не было никаких сведений о нашем бывшем подопечном?

— Он, кажется, в Канаде, — заметил Эшби, и Кэвену замер, посмотрев ему в глаза. Но, не

сумев ничего прочесть, гость отвернулся и вышел первым из кабинета. Следом вышел Хьюберт.

Лишь после ухода гостей Эшби, словно вспоминая что-то, позвонил миссис Хейворд.

— Пригласите ко мне мистера Бэннона. И найдите Уильяма.

— Его нет на месте, — почти сразу ответила миссис Хейворд.

— Найдите, — попросил Эшби, — мне он очень нужен.

Только через полтора часа он наконец увидел в своем кабинете Уильяма Тернера. Это был еще молодой человек тридцати пяти лет. Буйная шевелюра и небрежность в одежде не соответствовали его изумительным аналитическим способностям, которым Эшби отдавал предпочтение. Сам прекрасный аналитик, прошедший суровую школу ЦРУ, Эшби ценил толковых сотрудников, не обращая внимания на постоянную небрежность Тернера в одежде и в стиле работы. Тернер мог вполне опоздать на вызов высокого начальства, мог вообще не приехать в свой отдел вовремя. Но все знали, что порученную ему задачу он всегда решает феноменально простым и самым быстрым способом. Вот и сейчас Тернер появился в кабинете Александра Эшби без галстука, но зато с весьма довольной физиономией.

И почти сразу, словно он ожидал в приемной за дверью, появился руководитель специальной группы, созданной в ЦРУ три года назад, мистер Арт Бэннон. В отличие от своего коллеги это был коротышка с большой теменной лысиной, одевающийся всегда, даже летом, в подчеркнута строгие темные костюмы. Полковник Бэннон был офицером, имеющим опыт работы в Пакистане и в Аф-

рике. Последние годы, по предложению самого Эшби, он возглавлял в ЦРУ специальное подразделение внутренней контрразведки, одно из самых элитарных подразделений ЦРУ.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил Эшби.

— Ребята поработали на компьютере, — сообщил Тернер, — я сидел в аналитическом управлении и попросил отключить все телефоны.

— Я искал вас полтора часа, — заметил заместитель директора ЦРУ.

— Мне сказали, — чудовищно беззаботным тоном сообщил Тернер, — но мы отключили все телефоны и здорово поработали. Кажется, нам удалось установить шифр восточных немцев, который они использовали у нас. Ключ был в тех самых документах, которые мы изъяли в Берлине.

Бэннон немного нахмурился. Ему не нравился ни вид молодого повесы, ни его развязный тон. Но в кабинете Эшби он предпочитал молчать.

— Интересно, — согласился Эшби, — нужно выяснить, не использовался ли подобный шифр и на территории Западной Германии.

— Вы думаете, там остались восточногерманские шпионы? — понял Бэннон.

— Конечно, остались. И мы смогли бы при соответствующем подходе переориентировать этих людей, предложив сотрудничество с нами, — очень выразительно заметил Эшби.

— Да, — согласился Бэннон, — это очень перспективная идея.

— Что у нас по Вакху? — спросил Эшби. — Я надеюсь, вы помните, что это ваш главный объект.

— Да, конечно. Он по-прежнему живет в Торонто. За последние три месяца был дважды в

Америке. В основном приезжал в Нью-Йорк и Вашингтон. Мы составили список людей, с которыми он встречался. Как всегда, ничего необычного. Его деловые партнеры, помощники, юрисконсульты фирмы.

— К нему кто-нибудь приезжал?

— Почти никто. Его помощник, его юрисконсульт и конгрессмен от штата Луизиана. Я вам об этом докладывал. Она прилетала к нему несколько раз. Причем билеты каждый раз покупал он сам — туда и обратно. Похоже, у них просто любовная интрижка.

Бэннон докладывал, как всегда, сухо и скучно. Уильям Тернер оживился.

— Кажется, у вас есть свой особый объект?

— Поэтому я вас и пригласил, — кивнул Эшби. — Я хочу, чтобы вы со своими ребятами подключились к группе Бэннона. Вот уже несколько лет они ведут разработку одного очень перспективного дела, но пока не могут найти никаких серьезных подтверждений своей версии.

— Они ведут наблюдение за определенным человеком, — понял Тернер.

— Да. И этот человек, по нашим предположениям, один из главных резидентов советского КГБ в этой части света. Шесть лет назад он был даже арестован по подозрению в шпионаже, но у ФБР против него ничего не нашлось. И тогда его отпустили, после чего он перебрался в Канаду, — сообщил Эшби. — Я лично тогда занимался этим делом. И считаю, что советская разведка просто смогла обмануть нас, подставив вместо него другого агента.

— Каким образом? — поинтересовался Тернер.

— Шесть лет назад вместе с англичанами мы вели сложную игру против их разведки. Тогда мы были убеждены, что их главный резидент — Вакх, как называли его тогда в ФБР, арестован. Но русские придумали против нас гениальный трюк. Они отпустили находившегося под наблюдением уже проваленного резидента английской разведки полковника Олега Гордиевского. И прислали к нам своего лжеперебежчика Юрченко.

— Я слышал об этом деле, — кивнул Тернер, — но не знал подробностей. Кажется, Юрченко выдал нескольких человек и снова вернулся в СССР?

— Вот именно, — продолжал Эшби, — он выдал нам Пелтона¹. И мы просто обязаны были отпустить этого Вакха. Мы тогда не имели против него никаких доказательств. Предательство Пелтона вынудило нас поверить в то, что именно он был главным информатором советской разведки о наших электронных и компьютерных разработках. Тогда полетели многие головы. Ушел в отставку даже Роберт Макфарлейн, помощник Рейгана по национальной безопасности. Мы еще тогда подозревали, что советская разведка ведет с нами интересную игру. И после повторного бегства Юрченко наши предположения подтвердились.

1

Советский офицер КГБ Виталий Юрченко действительно перешел к американцам и выдал ряд агентов КГБ, в том числе наиболее ценного из них Рональда Уильяма Пелтона, ведущего сотрудника Агентства национальной безопасности США. После этого Юрченко вернулся обратно в СССР, что позволяет сделать вывод о его «ложном» переходе. Подробнее об этом смотри книгу Чингиза Абдуллаева «Пройти чистилище».

— Вакх — это советский агент-нелегал? — понял Тернер.

— Вот именно. Знакомьтесь, Кемаль Аслан. Родился в Филадельфии в 1946 году. Отец — турок, мать — болгарка. Вот их фотографии. В начале пятидесятых они возвращаются в Болгарию. После смерти отца Кемалья мать увозит его на родину.

— Он получил американское гражданство при рождении, — понял Тернер.

— Потом они поселились недалеко от Софии в маленьком городке Елин-Пелин. Там и прошло детство Кемалья, его юные годы. Потом он поступил в институт, закончил его и уже начал работать, когда попал в страшную катастрофу и получил серьезные травмы, даже временную кому.

Тернер внимательно слушал.

— Врачам удалось вывести его из этого состояния. Потом за ним приехал его дядя, живущий в Турции. Другой брат его отца — Юсеф Аббас — жил в это время в Хьюстоне. В семьдесят четвертом Кемаль переехал к дяде в Измир, а через год уже к другому дяде в США. Осел в Хьюстоне, через несколько лет женился. Жена — Марта Саймингтон из очень известной семьи. Ее отец был самым известным бизнесменом Техаса.

— Нефтяное оборудование семьи Саймингтон, — кивнул Тернер, — я читал про них много интересного.

— От этого брака у Кемалья Аслана был один сын, родившийся в семьдесят девятом. Теперь ему уже двенадцать лет. После смерти своего дяди Кемаль Аслан возглавляет фирму и через несколько лет добивается поразительных успехов в бизнесе. В ноябре восемьдесят третьего Кемаль переехал в

Нью-Йорк. Через два года он развелся с женой, но с сыном продолжает встречаться довольно часто. У нас были серьезные основания для его ареста. Поступили сообщения, что КГБ знает практически все обо всех наших операциях, так или иначе затронутых поставками оборудования с предприятий Кемаля Аслана или связанных с ним поставщиков. Но арест Пелтона спутал тогда все планы. Теперь мы понимаем, что русские специально подставили нам Пелтона, чтобы вытащить из-под удара Кемаля Аслана. Но это пока только наши предположения.

— Эта конгрессмен из Луизианы — его женщина? — спросил Тернер.

— Да, — ответил Бэннон, — раньше она была даже вице-губернатором штата. Они встречаются уже много лет.

— И больше ничего? — изумленно спросил Тернер. Бэннон отвернулся.

— Они работают с ним три года, но пока нет никаких конкретных результатов, — сказал Эшби. — Нам интересно и ваше мнение, Уильям. Мы могли бы направить вас в командировку в Болгарию. Теперь, когда рухнул «железный занавес», это совсем не трудно. Кроме вас, полетит Томас Райт. Он вам поможет. Райт работал и раньше в Болгарии, хорошо знает обстановку в стране, говорит сразу на нескольких славянских языках, в том числе и на болгарском.

— Вы хотите, чтобы я проверил его биографию? — понял Тернер.

— И вообще всю его жизнь, — кивнул Эшби. — Мы должны знать, кто он на самом деле. Завербованный КГБ несчастный турок, случайно оказавшийся у них на крючке, или резидент-неле-

гал, профессиональный офицер КГБ. Согласитесь, это многое меняет.

— Есть еще третий вариант, — пробормотал Тернер.

— Какой? — оживился Бэннон.

— Может, он вообще ни при чем и мы ошибаемся, — улыбнулся Тернер. — Такой вариант вы исключаете?

Бэннон фыркнул от негодования. Эшби раскрыл папку с личным досье Кемалья Аслана.

— Не может, — спокойно сказал он, — вот его донесения в Москву. Он их агент. И мне нужно знать только одно. Он настоящий Кемаль Аслан или подставное лицо? Вот что мне нужно срочно выяснить. Поэтому нам и понадобилась ваша помощь.

МОСКВА. 10 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

В последние дни его больше всего волновало положение в Прибалтике. Особенно в Литве. Неудачная поездка в Литву Михаила Сергеевича, так и не сумевшего убедить литовцев в неправильности их пути, откровенно националистические лозунги в Вильнюсе, нескрываемая пропаганда за выход республики из Союза — все это не могло не волновать председателя КГБ. В прошлом году, как раз в это время, они не смогли взять ситуацию под свой жесткий контроль, и в Баку пролилась кровь. А введенные затем войска только усугубили положение, расстреляв сотни случайных горожан. Теперь в Литве нужно было не допустить ни тбилисского развития событий апреля восьмьдесят девятого, ни бакинского — января девяностого.